

УДК 171:929

Татьяна Чайка, Виктор Малахов

СМЕХ СЕРГЕЯ КРЫМСКОГО: ОТ АБСУРДА К ЮМОРУ

Стаття базується на матеріалах усних спогадів відомого київського філософа Сергія Кримського. Досліджується своєрідність його гумору. Прослідковуються витoki цього гумору як специфічної відповіді філософа на абсурд буття.

Ключові слова: Кримський, абсурд, гумор.

Стаття основана на матеріалах усних воспоминаний известного киевского философа Сергея Борисовича Крымского. Исследуется своеобразие его юмора. Прослеживаются истоки этого юмора как специфического ответа философа на абсурд бытия.

Ключевые слова: Крымский, абсурд, юмор.

The article is based on materials of oral memories of famous Kievan philosopher Sergei Krymskyi. The peculiarities of his humour are examined. The origins of this humour are observed as a specific philosophical answer for absurdity of world.

Keywords: Krymskyi, absurdity, humour.

Ныне на наших глазах происходит знаменательное историко-философское событие: предметом серьёзного исследовательского интереса становится последний период развития советской философии, охватывающий 60–80-е гг. минувшего столетия, т. е. время жизни и деятельности непосредственных учителей нынешнего поколения отечественных философов. Для авторов данного очерка – это ещё и годы их собственной философской молодости. В историко-философском плане период этот примечателен тем, что некоторые яркие его представители здравствуют до сих пор или ушли от нас лишь недавно, успев оставить для нашего назидания собственную, уже позднейшую, версию осмысления своего тогдашнего творчества, да и философского процесса тех лет в целом. С подобными версиями можно соглашаться, вступать в спор или воспринимать их как данность; в любом случае подтверждается актуальность проблематики т. наз. «нового биографизма» [2, с. 238–240]. Дополнительную остроту описанной проблемной ситуации придают продолжающие существовать неясности относительно парадигмальных оснований отечественной философской мысли периода, о котором идёт речь. В этом аспекте позднейшие высказывания участников философского процесса интересны и как непосредственные свидетельства о происходившем в те годы, и как личностные установки, обеспечивающие самоидентификацию философствующей личности в изменившихся условиях времени.

За последние годы в обозначенной исследовательской области уже появились некоторые наработки¹. Не удивительно, что приметное место среди них занимают опыты устной истории; эти опыты продолжают у нас традицию, начатую в своё время основателем и подвижником отечественной oral history Виктором Дувакиным и его школой. В частности, предлагаемая статья представляет собой попытку осмысления некоторых фрагментов обширного интервью, взятого у Сергея Борисовича Крымского Татьяной Чайкой в последние годы его жизни. (Полный текст интервью под заглавием «Разговор длиною в жизнь» готовится к печати Издательским домом Дмитрия Бураго).

Цель настоящей публикации – поделиться с читателем соображениями о природе юмора замечательного киевского философа. При этом авторы исходят из убеждения, что проблема трансформации абсурда в юмор и в наши дни сохраняет не только теоретическую, но и жизненную актуальность.

В своё время Аристотель заметил, что философствовать людей побуждает удивление (см.: [1, с. 70]). Он не оставил нам определённого суждения о том, в каком возрасте это с человеком происходит. Сергей Борисович Крымский рассказывал, что «философом» он стал очень рано, лет в пять-шесть от роду. И началось это у него не с удивления, а с обморока – обморока от долгого вглядывания в звёздное небо родной донецкой степи. Как объяснял Крымский, именно тогда он ощутил и безмерность пространства, и то, что человек, находящийся в любой точке этого пространства, становится его центром. Какое, казалось бы, красивое и благополучное начало, основанное на чувстве космоса, порядка и гармонии! В этом бы русле философствованию Крымского и развиваться – но нет. Едва ли не первые жизненные впечатления, первые горькие уроки бытия связаны у Сергея Борисовича с опытом абсурда. В его автобиографическом рассказе «ситуация абсурда» – одно из ключевых понятий. При этом, абсурд не убил в нём философа, скорее, наоборот: похоже, что в продолжение всей жизни именно абсурд оставался для Крымского неиссякаемым источником рефлексии. Естественно предположить, что это хотя и возможно, однако не слишком весело. И опять-таки – ничуть не бывало.

Вообще это интересная тема – как люди управляют с абсурдом, абсурдом вовне и в самих себе. Кто-то от чрезмерного погружения в абсурд способен озлиться на весь белый свет, кто-то сходит с ума, ну а Крымский – скажем прежде всего, что Крымского абсурд веселил. На абсурд он с самого начала пытался отвечать абсурдом же: говорить или делать нечто

такое, что, как минимум, противоречило бы обыденной логике. Причём говорить и делать это весело.

Когда восьмилетним мальчиком, будучи единственным и вроде бы желанным ребёнком в семье, Серёжа Крымский ощущает, по его словам, свою ненужность родителям, он говорит: «Слава Богу!» – и начинает озорное ребячье путешествие по крышам и кронам деревьев своего родного городка Бахмута. Позднее, в голодной эвакуации, волею судеб оказавшись на охраняемой предместной территории близ реки Урал, где постоянно шли боевые учения, 11-летний Серёжа ухитряется развести огород. В воронках от снарядов он выращивает тыквы и кормит ими свою маленькую семью – маму и бабушку. Поначалу прилежный школьник, столкнувшись в послевоенном Киеве 43–47-х гг. с характером тогдашнего школьного преподавания, он воспринимает его как абсурд и учиться «нормально», как все, больше не может. Вплоть до девятого класса его «школа» – это уличные компании, с недетскими разборками и поножовщиной. Так закаляется характер... Однажды, когда его, шестиклассника, забравшегося на подножку трамвая – излюбленный способ передвижения тогдашних мальчишек – сбивает оттуда ногой здоровенный дегина, он, падая, подхватывает подвернувшийся кирпич, бежит по мостовой со скоростью трамвая и лупит этим кирпичом своего обидчика, на удивление и радость собравшимся зевакам.

Тем не менее, хулиганом или бандитом Крымский не стал. Он стал естествоиспытателем. В своём интервью Сергей Борисович вспоминает: «В 14 лет я сменял свою финку на банку серной кислоты и вошёл в этот мир другим человеком, с жадной узнавать, исследовать и осчастливить своими открытиями человечество». В то время Крымского увлекли химия, биология, астрономия. Конечно, в школе при этом он не учился. Школьное ученичество на всю жизнь осталось для него образцом и наглядным примером абсурда. Свой багаж знаний Крымский пополнял самостоятельно, в Киевской обсерватории, куда устроился на работу лаборантом – наблюдателем звёздного неба, а также в библиотеке – по счастливому стечению обстоятельств, она находилась как раз напротив дома, где он жил, рядом с Оперным театром.

В этой библиотеке Серёжа Крымский проводил многие часы, путешествуя по книжным полкам от пола до высокого потолка. За два года с небольшим он, по его словам, перечитал почти всё, что там было; аттестат же о среднем образовании получил экстерном, в школе рабочей молодёжи. Однако ещё до этого, где-то в 1945 или 1946 году, на киевских книжных развалах, ткнувшись тогда от Львовской площади до самого Евбаза, он наткнулся на сочинения Гегеля – знаменитое столпнеровское

издание, доселе памятное нашим философам. Из всего многоцветья обретающейся на тех развалах художественной, исторической, астрологической, порнографической литературы 15-летний юноша выбирает именно это, – ну разве не абсурд? Перечитал все вышедшие к тому времени семь объёмистых томов – и стал убеждённым гегельянцем. Логическим следствием такого оборота событий явилось его решение поступать только на философский факультет университета. И он туда поступил.

Думаете, таким образом абсурд был, наконец, побеждён? Ни в коей мере! Все вышло наоборот, в полном соответствии с законами самого абсурда. После успешно сданных вступительных экзаменов оказалось, что в списках студентов Крымского, энтузиаста философии и знатока Гегеля, как раз и нет. Ему возвращают документы без объяснения причин. Причина, естественно, была – поступивший куда следует донос о том, что он, Крымский, с 11 до 14 лет находился в Киеве, на оккупированной территории, и сотрудничал с фашистами. Абсурд заключался в том, вспоминает Сергей Борисович, что лживость этого доноса доказать было легко (у матери сохранились эвакуационные документы), а вот выяснить, что дело было именно в доносе, оказалось чрезвычайно сложно, – понадобилось вмешательство ЦК комсомола, в который настойчивому молодому человеку удалось-таки достучаться.

Как бы то ни было, недоразумение разрешилось, и Сергей Крымский стал студентом. «В своей наивности, – рассказывает Сергей Борисович, – я полагал, что вот тут-то начнётся настоящая учёба талантливых и заинтересованных молодых людей у мудрых и образованных преподавателей. Но, Боже мой, с чем я столкнулся!» Большую часть однокурсников Крымского составляли фронтовики, завалившие экзамены на другие факультеты университета. Поскольку в 1947 г. их невозможно было не принять, их автоматически, даже не спрашивая согласия, зачисляли на философский факультет. Как правило, это были люди, при всех прочих своих положительных качествах не имевшие никакого отношения ни к философии, ни к культуре, а зачастую и просто неграмотные. А каковы были преподаватели!

Предметом мечтаний Крымского было отделение логики. Первым его преподавателем логики оказался человек, который занимался тем, что отыскивал в текстах Менделеева и Павлова логические фигуры – понятия, суждения, умозаключения – и учил этому нехитрому ремеслу студентов. Основной силлогизм, которым почтенный логик во всех случаях жизни пользовался, начинался с посылки: «Все империалисты – поджигатели войны». Сокурсники Серёжи на занятиях по логике зевают, Крымский же

формулирует тему своей первой курсовой работы: «Логические фигуры в приказах маршала конницы Будённого». Профессор принял тему с восторгом; жаль, что на кафедре она всё же не прошла. А интересной работой могло бы начаться философско-логическое творчество Сергея Крымского!

Ко второму курсу абсурд на факультете крепчает. В отместку на кружке логики Серёжа выступает с сообщением о якобы «великом французском логике» Катюле Мендесе и его знаменитом истолковании логики Пор-Рояля². Это трудно себе представить, но юный мистификатор два года на полном серьёзе имел возможность делать доклады и писать курсовые работы об этом «великом учёном». Причём вплоть до окончания университета его, кажется, так и не разоблачили.

Следует отметить, что уже тогда на страшноватую, в общем-то, абсурдность реальной жизни Крымский преимущественно отвечает абсурдом весёлым, впрямую не задевающим и не оскорбляющим человека. Кажется, в одном только случае его тогдашняя усмешка оказалась недоброй: откликаясь на бытующее в среде студентов и преподавателей факультета прозвище одного из профессоров, записного и всем известного доносчика, без правой руки, которого называли «одноруким двурушником», Крымский запустил смешное и безжалостное «одночлен».

Уже в молодые годы Крымского его, говоря современным языком, имидж определился в двух аспектах: во-первых, как гегельянца, во-вторых, как мистификатора и рассказчика анекдотов, которых он знал великое множество. Заметим, что в обеих своих составляющих такой имидж в 50-е годы был небезопасен. Несколько раз Крымский оказывался на грани исключения из университета, да и после его окончания в 53-м году почти десять лет маялся по разным работам, практически не имевшим отношения к философии.

Только в 1964 г. судьба Крымскому улыбнулась, навсегда связав его с Копниним и с киевским институтом философии. Павел Васильевич Копнин, сменивший на посту директора института Д. Ф. Острянина, приносит с собою в институтскую среду свежее дыхание перемен. Институт не только вздохнул полной грудью, но и, кажется, впервые с послевоенных времён, заулыбался. В институтском быту, взаимоотношениях сотрудников, характере научных обсуждений с лёгкой руки Копнина появилась небывалая дотоле непринуждённость, порою перерастающая даже в своего рода игривость. Сергей Крымский становится средоточием этого нового стиля жизни. Весёлые стенгазеты, уморительные капустники, бесконечные розыгрыши – как-то само собой

получалось, что неизменным вдохновителем и исполнителем всего этого оказывался Крымский «со товарищи».

Итак, времена явственно смягчались, маразм, как бы то ни было, сдавал свои привычные позиции, но навык обращения с абсурдом у философских выучеников 50-х годов остался, как их пожизненное достояние. Менялись формы ответа на абсурд, они тоже становились добрее, мягче, да и юмористичнее тоже. Как-то раз Копнин пожаловался Крымскому на свою новую лаборантку. Юная девица приходила на работу с заспанной физиономией и повадилась при каждом удобном и неудобном случае укладываться почитать на диванчике в маленькой комнате за директорским кабинетом. Копнин был растерян; его корректные увещевания на явно недосыпавшую ночью девицу не действовали. Тогда Крымский ему сказал: «Я знаю, что делать, я её отучу».

Дело было летом, в жару. Взяв у Копнина ключ от заветной комнатки и дождавшись, пока не чайвшая подвоха лаборантка в очередной раз уснет посреди рабочего дня, Крымский отпер дверь, разделся до пляжного вида и прилёг рядом с барышней, ничего, впрочем, не имея в виду особого. Она, очевидно, тоже ничего такого в виду не имела, потому что, проснувшись и увидав лежащего рядом с собой голого Крымского, растерялась и смутилась до крайности и выскочила в шоке из кабинета, едва одетая. С тех пор, рассказывает Крымский, они словом не обмолвились друг другу об этом инциденте, но спать на работе девица перестала. Так абсурд был побеждён абсурдом. Вот один из уроков Крымского, над которым, быть может, следовало бы ещё поразмыслить.

Интересно то, как при всём этом к Крымскому относилась институтская публика, его коллеги. Мы ни от кого не слышали, чтобы его не любили. У женщин он пользовался безусловным успехом; многие им восхищались, и тем не менее не то, чтобы побаивались, но всё же несколько остерегались его: уж очень цепок был его ум, а язык острёр.

Вот несколько наших давнишних впечатлений – впечатлений институтской молодёжи 70-х годов. Для нас Крымский уже тогда, разумеется, – не только яркий громогласный шутник-пересмешник, от которого никогда не знаешь, чего ждать, но в первую очередь – маститый учёный, безусловный авторитет, «мэтр». Мы бегали на его доклады, прислушивались к его суждениям и необычайно гордились, если за наши первые творческие пробы достаивались от него похвалы или хотя бы доброжелательной оценки. Вот этот волнующий контраст очевидной интеллектуальной дистанции между нами, высокой, зачастую беспощадной научной взыскательности Крымского и его же всегдашней настроенности на шутку, словно бы уравнивавшей его с нами способности

увидеть комическое в самом неподходящем для этого месте и положении – этот контраст и поражал нас, молодых, и привлекал к нему безмерно.

Помнится, как Сергей Борисович наставлял нас в науке анекдота. С совершенно серьёзным видом он рассказывал, что смешно в анекдоте бывает в двух случаях: в первом – смешно оттого, что умно, а во втором – оттого, что глупо. Вообще улыбка сопутствовала Крымскому столь же неизменно, как и его громкий голос и экспрессивная, заразительная манера говорить. Мы поддавались очарованию, и горечь этой улыбки почувствовали не сразу. Не сразу увидели мы и то, какую цену он платил за свой ум и яркость таланта. В середине 2000-х, как бы подводя жизненные итоги, Сергей Борисович рассказывал, что всю жизнь старался относиться к людям по-доброму, и ещё с юности категорически запрещал себе обижать кого бы то ни было, даже если человек этого, казалось бы, заслуживал. Тем не менее, полагал Крымский, враги у него всё-таки были. «Главный мой враг по жизни, – говорил он, – это дурак. Дурак в бытовой сфере, в научной, в любой. Понимаете, всегда получалось так, что он, дурак, точно знал, чувствовал, что я знаю о том, что он дурак или бездарность, и не мог простить мне этого. Иногда я почти с ним не общаюсь, худого слова ему не скажу, а он меня уже ненавидит какой-то классовой ненавистью». У Сергея Борисовича была целая теория «дурака от науки», который слова в простоте не скажет, поскольку боится высказать свою глупость. Это умный человек, развивал свою теорию Крымский, может говорить что попало. «Вот я, например, сболтну глупость – поправлюсь, а дурак себе этого никогда не позволит, он тщательно готовит все свои высказывания, он будет часами рассказывать вам о длине хвоста крокодила, в его учёных речах будет масса неоспоримой информации, а мысли там – ни на грош».

Рискнём предположить, что феномен «дурака от науки» для Крымского – ещё один болезненный элемент пожизненного абсурда. И всё же обострённое чувство абсурда не превратило Сергея Борисовича в жёлчного саркастического брюзгу. Смех Сергея Крымского до конца его дней оставался смехом юмориста. Примечательно, что из писателей-сатириков он, по-видимому, более всего любил Гоголя, а в гоголевском творчестве ему была по сердцу такая добрая и светлая вещь, как «Старосветские помещики». Эту повесть он знал наизусть и рад был всякому случаю прочесть из неё подходящий отрывочек – да так, что слёзы смеха капились по лицам потрясённых слушателей.

В чём же разгадка этого светлого смеха Крымского, щедрости и доброты его юмора – юмора человека с тяжёлым опытом личностного становления и вовсе не простым характером? Абсурд, преследовавший его с ранней юности, стал, по его словам, большим местом всей его жизни,

его он чувствовал кожей. При этом Крымский – не зря же он стал логиком! – обладал способностью ясного и точного схватывания характерных особенностей и нюансов окружающего абсурдного бытия. Ну как, скажите, при таких предпосылках не сделаться едким сатириком, жёстким обличителем общественных нравов? Но, повторимся, нет – и нет! Юмор Крымского у всех, кому посчастливилось общаться с Сергеем Борисовичем, пробуждал ощущение радости жизни, остроты и непредсказуемости её творческих токов, трудноопределимое, но внятное чувство бытия-на-свету. Только ли в природной доброте и человечности Крымского здесь дело?

Думается, не только. Замечательно ёмкую, на наш взгляд, характеристику юмора Крымского дал в своих воспоминаниях о нём один из ближайших друзей философа, известный киевский композитор Валентин Сильвестров. Упомянув о свойственном герою нашего очерка «невероятном чувстве юмора», Сильвестров тут же добавляет, что в этом юморе ему слышались некие «остатки рая». Являя собою «мгновенное опадание дури», юмор Крымского вызывал не злобу, а чувство освобождения, обнаруживал «сияние, напоминающее райское».

Если это так, тогда дело уж точно не в одних только природных качествах Сергея Борисовича, хотя и в них тоже. Что, если именно такая сложная, грустная, в чём-то исковерканная судьба – судьба незаурядно умного и тонко чувствующего человека – лучше всего подходила для того, чтобы явить нам в наше жёсткое время нечто простое и важное?..

И ещё крупница юмора напоследок. Завершая тогдашний наш долгий разговор, Сергей Борисович внезапно заговорил о себе как о типичном философе переходного времени, «философе-отказнике». Правоверный гегельянец, он отказался от Гегеля, философ по призванию – отказывался от философии ради математики и логики, логик-профессионал – пришёл в конце концов к разработке этико-религиозных проблем... Так вот, не был ли, действительно, этот перманентный самоотказ также своего рода жестом освобождения, выплеском некоего юмора, словно бы парящего над тяжкой абсурдностью бытия, утверждающего её неокончателность, перехватывающего у неё последнее слово – пока длится жизнь человеческая?..

Примечания

¹ Отметим в этой связи лишь выход в свет под редакцией В. А. Лекторского 22-томной серии «Философия России второй половины XX века» (М.: РОССПЭН, 2008–2010), а из украинских изданий – недавно вышедший любовно сделанный сборник «Вілен Горський: дотики, смисли,

спогляданья» (за ред. М. Л. Ткачук; упоряд. М. Л. Ткачук, Л. Д. Архипова.– К.: Аграр Медіа Груп, 2011.– 387 с.).

² Забавно, что этот абсурд Крымского уже после его смерти отозвался для нас прощальной ноткой юмора. Совсем недавно, готовясь к написанию данной статьи, мы, благодаря Литературной энциклопедии, столкнулись с реально существовавшим Катюлем Мендесом – только не логиком, конечно, а французским писателем, жившим во второй половине XIX в., произведения которого переводились и на русский язык. Быть может, это звучное имя безотчётно запомнилось студенту Крымскому со времён его вместо-школьных библиотечных штудий. А может быть – кто теперь это скажет? – он с полным сознанием дела, повторяя свой давний ход, решил теперь поиграть и с нами?

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. в 4-х тт.– Т.1.– М.: Мысль, 1976.– С. 63–367.
2. Голубович И. В. Биография: силуэт на фоне Humanities. (Методология анализа в социогуманитарном знании).– Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008.– 372 с.